

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66

Индивидуально-авторская фразеология в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»

Екатерина Александровна Шумских

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, mamkatya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7639-928X>

Аннотация. В статье рассматриваются разные приемы индивидуально-авторского преобразования фразеологических единиц (ФЕ) в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». Отмечается, что трансформации, как правило, подвергаются фразеологические единицы, которые и в языковой системе характеризуются вариативностью. Выявление и анализ индивидуально-авторских фразеологизмов проводились как на основании работы с текстом романа методом сплошной выборки, так и на основании работы с лексикографическими источниками при сопоставлении узуальных и индивидуально-авторских ФЕ (сопоставительный метод). В статье показана специфика формирования окказиональной семантики фразеологизма в тексте, особенности словообразовательной и морфологической модификации узуальных оборотов, синтагматические особенности индивидуально-авторских идиом, а также роль окказионального фразеологизирования в семантическом пространстве романа (метод семантического и контекстуального анализа ФЕ), дается комплексная структурно-семантическая и экспрессивно-стилистическая характеристика преобразованных фразеологических единиц.

Ключевые слова: индивидуально-авторская фразеология, преобразование ФЕ, контаминация ФЕ, семантико-стилистический эффект, роль преобразованных фразеологизмов в тексте

Для цитирования: Шумских Е. А. Индивидуально-авторская фразеология в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 56–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Individual author's phraseology in I. S. Turgenev's novel "Home of the Gentry" ("Dvoryanskoe gnezdo")

Ekaterina A. Shumskikh

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, mamkatya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7639-928X>

Abstract. The paper focuses on a variety of methods used by I. S. Turgenev to transform the phraseological units (PU) in his novel "Home of the Gentry" ("Dvoryanskoe gnezdo"). It is noted that it is those phraseological unities which in the language system display variation that are, as a rule, subject to transformations in the novel. Continuous sampling was employed to detect and analyse the individual author's phraseological units while studying the text of the novel. Additionally, the common and occasional variants of such phraseological units were compared by means of referring to dictionaries. The paper highlights the mechanism of the author's transformation of Russian phraseological units, i. e. shows the peculiarities of building occasional phraseological semantics in the text. Moreover, word-forming and morphological modifications of the common variants of phraseological units, the syntagmatic peculiarities of individual author's idioms are described. The study investigates the role of occasional phraseologisation in the semantic space of the novel and comprehensively defines the structural-semantic and expressive-stylistic characteristics of occasional phraseological units.

Keywords: individual author's phraseology, transformation of phraseological units, changes to the combinability of phraseological units, contamination of phraseological units, the characterising and evaluative function of phraseological units

For citation: Shumskikh E. A. Individual author's phraseology in I. S. Turgenev's novel "Home of the Gentry" ("Dvoryanskoe gnezdo"). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 5. P. 56–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66 (In Russ.).

Введение. По нашим наблюдениям, в романе Ивана Сергеевича Тургенева «Дворянское гнездо» (1859) более четырехсот фразеологических единиц (ФЕ) разных типов, причем как языковых, так и индивидуально-авторских (в широком понимании состава фразеологии). При изучении особенностей языка и стиля писателя такие исследователи, как П. Г. Пустовойт, Ф. А. Марканова, О. М. Кузнецова, Т. П. Ковина, В. А. Новосельцева и др., уделяли внимание роли фразеологизмов в идейно-художественной структуре романа «Дворянское гнездо», однако в целом фразеология этого произведения до сих пор не подвергалась специальному лингвистическому исследованию¹.

Данная статья посвящена характеристике индивидуально-авторской фразеологии в романе «Дворянское гнездо». При этом объектом нашего анализа стали и ФЕ, представляющие собой варианты узуальных фразеологизмов и в целом сохраняющие, по определению И. Ю. Третьяковой, «семантическое тождество языковой фразеологической единицы», и ФЕ, отличающиеся в тексте романа Тургенева «от языкового прототипа (языковой ФЕ) семантикой и/или структурно-грамматическим выражением» [Третьякова 2011].

Таким образом, под индивидуально-авторским (или, иначе, окказиональным) фразеологизированием понимается какое-либо структурное и семантическое изменение узуальных фразеологических оборотов в тексте с определенной стилистической целью. Выявление окказиональных фразеологизмов проводилось, с одной стороны, на основании непосредственной работы с текстом романа, а с другой — на базе изучения лексикографических источников, в том числе с учетом зафиксированной в словарях вариативности ФЕ. Необходимо помнить, что современники Тургенева воспринимали текст романа иначе, в другом коннотативном ключе, нежели воспринимаем «Дворянское гнездо» мы, читатели XXI в. Кроме этого, нельзя забывать, что И. С. Тургенев владел несколькими иностранными языками, что также отразилось

¹ См. об этом: Шумских Е. А. Фразеология в романе «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева (сдано в печать).

на употреблении в тексте романа целого ряда фразеологических единиц.

По мнению И. Ю. Третьяковой, «преобразовательный потенциал» имеет каждая фразеологическая единица. В романе «Дворянское гнездо» различным трансформациям подвергаются, как правило, именно те ФЕ (по типу это в основном фразеологические единства), которым уже в языковой системе свойственна какая-либо вариативность (лексическая, словообразовательная, морфологическая или синтаксическая).

Рассмотрим приемы авторского преобразования фразеологизмов в романе «Дворянское гнездо».

Анализ. Так, некоторые ФЕ подвергаются модификации за счет использования Тургеневым компонентов **с другим** (по сравнению с узуальным фразеологизмом) **морфологическим или словообразовательным значением**, а также **с изменением синтаксической структуры** оборота.

Например, Павлу Петровичу Коробьину *захотелось запустить руки в дела зятя*² и управлять его имением (ср.: *запустить/запустить руку [лапу]* во что, куда — «присваивать чужое, пользоваться чем-либо в корыстных целях, красть»³). Возможно, авторское использование формы множественного числа слова *руки* подчеркивает особое стремление генерала к наживе, а сам этот фразеологизм усиливает негативную характеристику персонажа⁴.

² Здесь и далее текст цит. по: Тургенев И. С. Дворянское гнездо // Тургенев И. С. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. Л.: Лениздат, 1958. С. 133–293.

³ Толкования значений цит. по: Гак В. К. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык — Медиа, 2006. 1 626 с.; Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. 78 964 с.; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2011. 1 174 с.; Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Федоров. Новосибирск: Сиб. изд. фирма, 1985. 880 с.; Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987. 543 с.

⁴ Ср. у В. И. Даля: «*Запустить куда руку, лапу, пользоваться чем неправо. Не запускай руки в чужой карман*» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1:

Переживая за Лизу, Марфа Тимофеевна замечает, что на ней **лица нет**: *Да ты посмотри на себя, что ты сделала со своим лицом, куда глаза свои девала?* (ср.: [не знать,] *куда глаза девать* — «не знать, что делать, как поступить от стыда, испытывая сильное смущение»). Узуальный оборот представляет собой безличную конструкцию со значением характеристики состояния человека, оказавшегося в неловкой ситуации из-за какой-то оплошности. В романе же оборот претерпевает структурно-семантическое преобразование: это двусоставное неполное предложение с новым текстовым смыслом подчеркивает тягостное состояние героини, сказавшейся и на ее внешнем облике (семантика интенсивности в структуре значения ФЕ сохраняется), что не укрылось от Марфы Петровны, по-настоящему любящей Лизу.

Имеет место в романе **изменение узуальной сочетаемости** некоторых ФЕ. Например, Тургенев, явно подтрунивая над оплошавшим генералом, замечает, что Коробкин некоторое время после отставки еще *потолкался в Петербурге в надежде, не наскочит ли на него тепленькое статское место; но место на него не наскакивало* («разг. шутил. Материально выгодная должность, доходная служба»). Отметим здесь сочетаемость оборота *тепленькое место* в роли подлежащего-каузатора с глаголами *наскочить* — *наскакивать* в переносном разговорном значении «наткнуться на что-л.», хотя характерной для ФЕ является сочетаемость с глаголами *искать*, *просить*, *добиваться* *теплого места*, *претендовать на тепленькое местечко* при подлежащем со значением лица, т. е. изменение традиционной сочетаемости расширяет смысловые возможности ФЕ⁵: вероятно, генерал не может рассчитывать на собственные заслуги и уповает только на случайную удачу.

В одном из внутренних монологов Лаврецкого присутствует оборот *взять себя в ежовые рукавицы* — авторская контаминация ФЕ *взять/брать себя в руки*, *держат себя в руках* и *держат в ежовых рукавицах*

А—3. М.: Русский язык, 1981. 699 с.); по происхождению ФЕ представляет собой кальку с французского *couler la main*.

⁵ Очевидно, под влиянием франц. *sauter sur la bonne planque*, где *sauter* — «заскочить, наброситься, запрыгнуть».

(реже *брать/взять в ежовые рукавицы*). Обычно так характеризуют действия, предпринимаемые кем-либо в отношении другого лица, здесь же субъект и объект действия — одно и то же лицо, а именно сам Лаврецкий, понимающий, насколько трудно будет ему преодолеть новые жизненные разочарования.

Использует Тургенев в тексте и прием окказионального преобразования — **уменьшение состава компонентов фразеологизма**. Например, Марья Дмитриевна в эпизоде задуманного ею примирения супругов Лаврецких замечает, что Варвара Павловна *должна была броситься к ногам мужа*, даже *припасть* (ср.: *падать* [*припадать*] *упасть к ногам* [*к стопам*] — «умолять, просить кого-либо о чем-либо» и *повергаться к стопам* [*к ногам*] — «устар. Выражать кому-либо свою покорность, признавать зависимость от кого-либо»): *Как это вы меня не поняли? — толковала она, — ведь я вам сказала: припадите...* Это *припадите* звучит весьма комично, поскольку в авторском повествовании четко показано отношение к примирению самих супругов: *Лаврецкий сидел как на углях*, понимая всю нелепость ситуации и нисколько не веря в искренность жены, а та лишь изображала раскаяние.

Далее Калитина сетует на то, что *чувствительности вышло мало*, поскольку Федор Иванович был *холодный, как лед*, а Варвара Павловна не плакала, хотя сама она перед Лаврецким *разливалась*. Экспрессивное «сжатие» позволяет обнаружить здесь связь и с ФЕ *заливаться слезами* («сильно, долго, безутешно плакать, рыдать»), и с ФЕ *разливаться* [*лечь, заливаться*] *соловьем* («говорить красноречиво, с жаром, увлекаясь своей речью»), что действительно присуще Марье Дмитриевне, которая *была более чувствительна, нежели добра*, и с институтских лет сохранила *страсть к некоторой театральности*.

Отметим также прием **расширения состава компонентов ФЕ** в романе, т. е. включение в узуальный фразеологизм слов-конкретизаторов, что приводит к некоторому изменению семантики оборота и к его эмоционально-экспрессивному обновлению. Например, в трагикомической истории, которая *с шумом пронеслась по всем журналам*, госпожа Лаврецкая *играла незавидную роль*; Марья Дмитриевна свои

действия, направленные на примирение супругов Лаврецких, объясняет тем, что всегда **принимает самое близкое участие** в судьбе родных; Марфа Тимофеевна вернувшись из Европы Лаврецкому говорит, что он **там всякого ума набрался** (определятельное местоимение *всякий* во вторичном разговорном значении «неизвестно какой; обычно с оттенком неодобрительности» и местоименное наречие *там* способствуют выражению мнения Пестовой о том, что на родине уж непременно лучше, нежели на чужбине); о внешнем облике Лемма сказано, что **застарелое, неумолимое горе положило на бедного музыкуса свою неизгладимую печать** (устар., соответствует значению оборота *наложить печать [отпечаток]* на кого, на что), т. е. у Тургенева усиление характеристики создается за счет введения в состав оборота компонента *неизгладимый* («такой, который не может изгладиться из памяти, незабываемый»); о Паншине в эпилоге говорится, что **чиновник в нем взял решительный перевес над художником** — наблюдается актуализация экспрессивной характеристики-оценки за счет дополнительного компонента *решительный* («окончательный; исполненный непреклонности»); в предыстории Лизы подчеркивается особое влияние на нее няни Агафьи: **посеянные семена пустились слишком глубокие корни** (*пустить корни* — «приобретать особую силу, становиться постоянным, укореняться. О чувствах, привычках, каких-либо действиях и т. п.»; ср. с франц. *prendre les racine trop profound* с аналогичным значением), что приводит к модификации значения оборота, обновлению в тексте его внутренней формы и к усилению экспрессивности за счет степенной характеристики словосочетания *слишком глубокие*, поскольку происходит своеобразная буквализация семантики компонента ФЕ *корни*.

В ряде случаев прием расширения состава узуальных оборотов соединяется у Тургенева с приемом контаминации ФЕ. Так, *система* воспитания Ивана Петровича, примененная им по возвращении из-за границы к сыну Феде, **сбила с толку мальчика, поселила путаницу в его голове, притиснула ее** (ср.: *голову морочить, вбивать в голову, забивать в голову, голова забита, не укладывается в голове, уложить*

в голове, туману напустить, а также *туман в голове*; ср. с франц. *s'installer dans la tête* — «поселиться в голове»). Преобразование языкового оборота происходит как на уровне системных связей ФЕ и межсловных связей лексических единиц, так, думается, и на основе авторских ассоциаций: *путаница* — *морочить, морока* («нечто путанное, канительное, непонятное, в чем трудно разобраться») — *морок* («2. устар., перен. Что-либо одуряющее, помрачающее рассудок. 3. устар. То же, что туман; туманные сумерки») — *туман* («2. перен. Неясность, отсутствие четкого понимания»); семантика негативной оценки окказионального оборота усиливается за счет всего контекстного окружения, в том числе и синонимии ФЕ.

Возвращение жены заставляет Лаврецкого вновь страдать, но теперь всё становится еще горше: в его жизни появилась Лиза, он **в руках почти держал возможность счастья на всю жизнь** («во владении, в распоряжении, в подчинении»). Оборот имеет у Тургенева необычную сочетаемость — *о возможности счастья*, хотя частотным является, например, употребление *держат в руках всё хозяйство, весь дом, своих сотрудников, всю армию* и пр. И если при узуальном употреблении семантический признак «значительность обладания чем-либо», «вечность характеристики» часто усиливается введением в контекст определительного местоимения *весь*, у Тургенева иллюзорность надежд героя и его новые жизненные потери подчеркиваются степенным наречием *почти* (наряду с использованием глагольной формы прошедшего времени).

Михалевич упрекает Лаврецкого в том, что тот **строил свой дом на зыбком песке**. В некоторых лексикографических источниках фразеологизм представлен уже без компонента *дом* — *строить на песке*: «основывать(-ся) на очень шатких, ненадежных данных. О планах, расчетах и т. п.»; т. е. языковое значение ФЕ связано с характеристикой каких-то устремлений человека. В романе это не только характеристика мировосприятия Лаврецкого, но и оценка, даваемая Михалевичем всему жизненному пути друга, причем семантика необоснованности, ошибочности действий Федора Ивановича усиливается за

счет включения в состав оборота компонента *зыбкий* («1. Находящийся в состоянии зыби, легко приходящий в колебание. 2. *перен.* Непостоянный, ненадежный»).

Частотным приемом авторского преобразования является в романе **лексическая замена одного из компонентов узуально-го ФЕ**, что снимает клишированность восприятия идиомы, создает новый стилистический эффект, а в ряде случаев ведет и к изменению объема значения авторского оборота. В основном это замена на слово той же семантической парадигмы, в том числе синонимическая, например: *он хороший человек; да ведь... земля не клином сошлась* (ср.: *свет клином не сошелся, свет не клином сошелся*); Лемм *не умел приняться за дело, как следовало, поклониться кстати, похлопотать вовремя...* (ср.: *кланяться [поклониться] в ножки* — «униженно просить о чем-л., униженно заискивать перед кем-л. для достижения какой-л. цели») с заменой предложно-падежной словоформы существительного на контекстуальный синоним — наречие *кстати* («в подходящий момент, пользуясь удобным случаем»); Михалевич ставит в вину Лаврецкому желание найти достойное применение своим знаниям и силам: *Ты... злостный байбак. Наивные байбаки лежат себе на печи и ничего не делают, потому что не умеют ничего делать... а ты мыслящий человек — и лежишь... лежишь сытым брюхом кверху...; Страшно беде в глаза взглянуть — вздор!* (ср.: *смотреть [глядеть] в глаза [в лицо]* чему-л.) — замена на глагол совершенного вида *взглянуть* той же лексико-семантической группы, но с приставкой *вз-* со значением начала действия и с суффиксом *-ну-* со значением однократности действия подчеркивает во внутреннем монологе Федора Ивановича понимание им того, что он должен наконец-то принять случившееся (возвращение жены, разлуку с Лизой), принять раз и навсегда; *расхохотаться прямо в нос* (при узуальном *в лицо*) — подобная замена, возможно, используется для акцентирования внимания на комизме ситуации, когда Гедеоновский никак не может понять поведения Варвары Павловны (но можно считать конструкцию и свободным сочетанием, омонимичным ФЕ); о Паншине сказано, что *работа кипела у него в руках* (ср.: *горит в руках* — «выполняется быстро,

ловко, успешно, идет очень хорошо; о работе, деле, когда все спорится, все ладится. Подразумевается характеристика, оценка кого-л. как человека умелого, энергичного и очень быстро работающего»; в некоторых словарях оборот дан как коммуникативный: *Работа [дело] горит в руках*; а также [*жизнь*] *бьет [кипит] ключом*; можно вспомнить и метафорические сочетания *работа/жизнь кипит*: «осуществляться с большой силой, очень оживленно, быстро, стремительно»). Тургенев заменяет глагольный компонент *гореть* синонимом *кипеть* той же семантической парадигмы, и такая характеристика деловых качеств Паншина правомерна, ведь любимец начальства не сомневается в том, что, *если захочет, будет со временем министром*.

Лемм, слышавший, стоя за дверью, романс Паншина, считает нужным, входя в гостиную, *съежиться глаза, угрюмо сжать губы* и сказать, что *ничего не слушай*. *Съежиться глаза* — авторский оборот, аналогичный узуальным ФЕ *отводить глаза, прятать глаза* («избегать смотреть на кого-либо, намеренно отворачиваться»), но у Тургенева с указанием на особую колючесть взгляда в силу отношения Христофора Федорыча к Паншину, который для него исключительно *второй номер* и «достижения» которого Лемм, настоящий музыкант, именуется *легким товаром и спешной работой*⁶.

Фразеологизм *тоска берет* [*грызет, гложет*] имеет в романе и узуальное употребление (*иногда брала его тоска по жене*), и окказиональное: *тоска врезывалась в его сердце*. Тургенев для усиления экспрессивности характеристики состояния Лаврецкого и передачи всей степени тяжести его переживаний делает компонентом ФЕ глагол *врезываться* («прочно запечатлеваться в памяти, в сердце и т. п., глубоко, сильно проникать в душу»), по объему значения и коннотативно более весомый по

⁶ Стоит вспомнить, что слово *ежиться* присутствует и в портретном описании Лемма, подчеркивая и склад характера старого учителя, его стремление забиться в угол, быть незаметным, и понимание Христофором Федорычем отношения к себе таких, как Паншин; но *сутулина его вытрямилась, глаза расширились и заблестали*, когда он почувствовал, что Лаврецкий действительно заинтересовался им.

сравнению с узуальным *брать* (ср. с франц. *gravée dans mon coeur*, где присутствует компонент со значением «высечена, вырезана, выгравирована, врезана»).

Преобразован в романе и оборот *войти в душу [в сердце]* («глубоко затрагивать, волновать; становиться предметом постоянных раздумий, размышлений и т. п.»). Так, после парижской истории Федору Ивановичу четыре года понадобилось, чтобы он почувствовал себя **в силах вернуться на родину**, хотя скептицизм и **забрался в его душу**. Лексическая замена стилистически нейтрального узуального компонента *войти* на семантически сопоставимый *забраться*, более характерный для разговорной речи, несколько видоизменяет семантику оборота (одно из значений слова *забраться* – «залезть куда-то вглубь, в том числе и противозаконно, без разрешения»). Авторский фразеологизм способствует усилению таких семантических признаков при передаче состояния Лаврецкого, как «неизбывность пережитого», «неистребимость раздумий о произошедшем», «невозможность вернуться к прежнему мироощущению».

По аналогии с ФЕ *войти в душу [в сердце]* Тургенев создает оборот, характеризующий значительное влияние на Лизу Агафьи Власьевны, а именно: всё связанное с няней *проникло в самую суть ее существа*. Поскольку имеет место полная замена компонентов узуального оборота (*войти* – *проникнуть*, *в душу* – *в самую суть ее существа*), то можно считать это неофразеологизмом (преобразованный оборот должен сохранять формальное тождество с узуальным, а в данном случае сходство только семантическое), причем происходит усиление значения интенсивности с актуализацией таких признаков, как «глубина восприятия», «особый уровень воздействия», «абсолютно полное принятие чего-либо для себя». (Но можно видеть здесь и свободное словосочетание, где глагол имеет переносное значение.)

С заменой компонента использован в романе и оборот *выбросить [выкинуть] из головы* что-л. («перестать думать о чем-либо»): Лиза после возвращения Варвары Павловны пытается навсегда **изгнать из головы самую мысль о Лаврецком** – так подчеркивается сложное и при этом сознательное избавление героини от самых дорогих

для нее воспоминаний. Включение в состав оборота глагола *изгнать* можно объяснить его связями с узуальной ФЕ *не выходит [нейдёт] из головы* (глагольные компоненты имеют исходную семантику движения). За счет книжного глагола *изгнать* совершенного вида с результативным способом действия («удалить насильственно; решительно избавиться от чего-л., искоренить») оборот получает в тексте смысловые и экспрессивно-стилистические приращения с актуализацией таких семантических признаков, как «значительность внутренних усилий», «осознанность и решительность действий», «полное принятие невозможности иных действий».

Присутствуют преобразованные ФЕ и в речи Марфы Тимофеевны Пестовой. Так, она рада, что Лиза *Панишина с носом отослала* (ср. с ФЕ *оставлять [оставать] с носом* – «без того, на что кто-либо рассчитывал, чего добивался, на что надеялся»). Усиление экспрессивности оборота создается за счет замены компонента *оставить* на просторечное слово *отослать* («удалить, велеть уйти»), что заставляет вспомнить и просторечное *послать* в сочетании с некоторыми бранными словами, а также с сочетанием *куда подальше* («обругать, чтобы не приставал, чтобы отвязался»). И это вполне соответствует отношению Марфы Тимофеевны к господину Панишину.

Внутренний монолог Лаврецкого, пытающегося осознать, каким будет новый этап его жизни, включает в себя целый ряд ФЕ, в том числе и преобразованных: *И всегда, во всякое время тиха и неспешна здесь жизнь, – кто входит в ее круг, – покоряется: здесь нечего волноваться, нечего мутить; здесь только тому и удача, кто прокладывает свою тропинку не торопясь, как пахарь борозду...* Герой понимает, что после разрыва с женой и скитаний по Европе возвращается к жизни провинциального русского помещика, так что тургеневское *входить в круг жизни* можно соотнести с узуальным оборотом *входить [попасть] в колею* («возвращаться к привычному образу жизни, приходить в обычное состояние»), причем по прошествии лет Лаврецкий довольствуется возможностью *прокладывает свою тропинку* (ср.: *прокладывать [пролагать, проторять] дорогу* – «создавать благоприятные условия для успеха, для достижения чего-либо»).

Замена на слово с экспрессивно-синонимическим значением той же лексико-семантической группы пространственных существительных (*дорога — тропинка*)⁷, но с иным предметно-понятийным содержанием, с иной коннотацией и наполняет оборот в тексте обновленным значением, удивительно точно способствуя формированию образной характеристики героя, лаконичному воплощению авторской мысли.

Конструкция *нечего мутить*, возможно, соответствует узуальному *воду мутить* («умышленно запутывать какое-либо дело, вносить неразбериху во что-либо»), но авторский оборот скорее содержит значение 'не нарушать здешний уклад жизни, если готов не спеша делать дело'.

Целый ряд характеристик Федора Ивановича в речи Михалевича основан на использовании фразеологизмов с некоторым их разрушением и преобразованием, причем в ряде высказываний этого персонажа присутствует только часть компонентов ФЕ, что заставляет читателей вспоминать вполне определенные узуальные фразеологизмы. Например: *всё тебя обмануло, всё рухнуло под твоими ногами* (ср.: *терять почву [землю] под ногами* — «лишаться уверенности в самом себе в результате утраты того, на чем основывается общественное или служебное положение, мировоззрение и т. п.»). Узуальный оборот обычно употребляется при одушевленном существительном (о том, кто испытывает подобное), а у Тургенева — при определительном местоимении-существительном *всё*, к тому же глагол совершенного вида *рухнуть* с однократным способом глагольного действия («перен. Полностью разрушиться, сразу исчезнуть, перестать существовать») способствует усилению экспрессивности и семантики интенсивности авторской ФЕ, во-первых, за счет вполне определенной соотнесенности со словом *надежда* (это наиболее частотная сочетаемость слова в переносном значении) и, во-вторых, за счет ассоциаций с устойчивым сравнением (*надежды рухнули, как карточный*

домик). Так фразеологизм точнее характеризует положение Лаврецкого: всё рухнуло прежде всего потому, что было основано на ошибочных воззрениях, на ложных представлениях о жизни (это относится и к воспитанию Федора, и к его увлечению Варварой Павловной).

Использует Тургенев в романе и **прием контаминации узуальных ФЕ**, сохраняя или трансформируя семантику общеупотребительных фразеологизмов. Яркий тому пример — ироническая и даже сатирическая характеристика на основе ФЕ Сергея Петровича Гедеоновского. Так, по мнению Пестовой, Гедеоновский вспоминает Калитина потому, что *тот его за уши из грязи вытащил*, где авторская контаминация двух ФЕ с однокоренными глаголами *тащить* — *вытащить* лаконично отражает некоторые факты биографии персонажа и сущность натуры Сергея Петровича. Это обороты *тащить [тянуть] за уши* («всеми способами, всячески помогать кому-либо, обычно малоспособному, нерадивому человеку; оказывать значительную помощь в учебе, в продвижении по службе и т. п.») и *вытащить из грязи* («избавить от унижительных условий существования, от бедности, нищеты»). Окказиональный фразеологизм подчеркивает, что без помощи Калитина не стал бы Гедеоновский — человек явно недалекий, ограниченный — статским советником.

Приезд Лаврецкого в О. для Сергея Петровича — это возможность *разнести весть о новом госте по городу*, а уж когда впоследствии Марья Дмитриевна знакомит его с Варварой Павловной, которая *кокотливо-почтительно с ним обошлась*, у Гедеоновского и вовсе *ушки разгорелись, и выдумки, сплетни, любезности медом потекли с его уст*. Этот каламбурный оборот-контаминация *ушки разгорелись* и метафорическое сочетание с творительным сравнением *медом потекли* передают сущность характера Сергея Петровича. Тургенев словно играет фразеологизмами, позволяя читателю самому домыслить, на основе какого оборота нужно начинать объяснение комической характеристики, лаконично созданной на базе объединения нескольких ФЕ. Здесь и просторечный оборот *развесить уши* («слушать с особым

⁷ Ср.: *tracerez le chemin* — «прокладывать тропинку»; *tracer son propre chemin* — «наметить свой собственный путь», где *chemin* — «тропинка, дорожка».

увлечением, с доверчивостью, заслушиваться»), и *навострить уши* («приготовиться с напряженным вниманием и интересом слушать»), а также *держат уши* [*уши*] *на макушке* («быть настороже»), но не в ожидании возможной опасности, а чтобы, не дай бог, не упустить из виду какой-либо занятный факт, который можно будет *разнести по городу*. «Отсылает» Тургенев читателей и к узуальному обороту *глаза разгорелись* («кому-либо непреодолимо, страстно хочется чего-либо»; в словарях представлен и вариант *глаза и зубы разгорелись*; ср. также: *насколько глаз хватает, во все глаза смотреть* и др.). Так оригинально в романе подчеркивается, что Геденовский готов и глазами смотреть, и ушами слушать, — именно поэтому Тургенев объединяет семантику слухового и зрительного восприятия, присущую компонентам новообразованного фразеологизма.

Шурочке, предлагающей помощь, Марфа Тимофеевна (речь которой особенно колоритна!) говорит, что у нее у *самой ноги еще не отвалились*. Это контаминация оборотов *руки отвалились/отваливаются* («о том, кто предельно устал от работы»), *остаться без ног* («сильно уставать, доходить до изнеможения от ходьбы») и *остаться без рук* («сильно уставать, доходить до изнеможения от работы руками»); можно также вспомнить и другие ФЕ с соматизмами *ноги* и *руки*: *валиться с ног, едва держаться [стоять] на ногах* и просторечное *отсохни [у кого-л.] руки и ноги*.

Состояние Лаврецкого, трагедию души героя Тургенев не раз передает в романе при помощи ФЕ, в том числе и окказиональных, как, например, во время неожиданного появления жены в его городской квартире в О.: *голос ее [жены] как ножом резанул его по сердцу*. Эта пронзительная характеристика создается на основе авторской контаминации двух фразеологизмов с общим компонентом *нож*: *как нож в сердце* («причинять душевную боль, страдание») и *без ножа резать* («ставить в безвыходное положение»), но с заменой на глагол *резануть* совершенного вида со значением однократного (мгновенного) действия и с другой падежной формой существительного — возможно, по аналогии с оборотом *резать по живому*, а также по аналогии с глагольным управлением *резануть по чему-л.* в свободных сочетаниях

(сейчас глагол является разговорным, а ранее принадлежал к просторечию).

Отметим и случай **двуплановости семантики ФЕ** на примере оборота *пытать счастье*, когда текстовое окружение допускает констатацию омонимии свободного сочетания и фразеологизма. Так, Лемм после череды горьких неудач все-таки решил остаться в России и *испытать свое счастье*: *В течение двадцати лет бедный немец пытал свое счастье: побывал у различных господ, жил и в Москве, и в губернских городах, терпел и носил многое, узнал нищету, бился, как рыба об лед... Судьбе, однако, не было угодно порадовать его этим последним и первым счастьем...*

С одной стороны, оборот *испытать счастье*, не зафиксированный в словарях (правда, допускающий сопоставление с фразеологизмом *искушать [испытывать] судьбу [провидение]* — «книжн. Подвергать себя необдуманному риску, опасности; действовать наудачу, надеясь чего-н. добиться», а также соотносимый с аналогичными ФЕ в немецком и французском языках), можно считать вариантом (словообразовательным и морфологическим) узуального оборота *пытать (попытать) счастья (счастье)* с реализацией значения «предпринять что-либо, рассчитывая на успех» (иллюстрируется в словарях пословицей *Счастья пытать — лишь деньги терять*).

Но можно предположить и нарочито каламбурное использование конструкции — *в течение двадцати лет бедный немец пытал свое счастье*, т. е. рассматривать *пытать счастье* как свободное словосочетание с обыгрыванием прямого номинативного значения глагола *пытать* («подвергать пытке») или переносного («причинять страдания, мучить»), поскольку жизнь Лемма в России действительно была полна мук и тяжелых испытаний, что Тургенев с горькой иронией и подчеркивает (возможно, потому писатель и использует форму винительного падежа).

В ряде случаев, думается, можно говорить о создании оригинальных индивидуально-авторских фразеологизмов-неологизмов в романе (некоторые выявленные словокомплексы использованы в тексте произведения более одного раза). Это, в частности, оборот *второй номер* при создании образа Паншина с дефиницией «о человеке,

который не может претендовать на ведущую роль в чем-либо» (ср.: *первая скрипка, звезда первой величины*). Если для Марьи Дмитриевны Паншин, конечно, *первый кавалер* в О., то в глазах Лемма он лишь дилетант, который *не может ничего понимать* по-настоящему, глубоко, искренне, а потому он всегда только *второй номер*. «Достижения» Паншина, всегда довольного собой, настоящий музыкант Лемма именует исключительно *легким товаром* и *спешной работой*. Не случайно в ходе авторского повествования и через восприятие Лаврецкого в романе не раз подчеркивается стремление героя к самолюбованию, позерству, в то время как *сердца-то у него и нет*.

Характеризуя стиль жизни Лаврецкого-помещика, Михалевич изобретает собственное сравнение (по типу устойчивых сравнений с союзом *как*). Согласно его представлениям, некоторые господа *всю жизнь проводят в каком-то млении скуки, привыкают к ней, сидят в ней, как... как гриб в сметане...* Поскольку в густой сметане грибы действительно оказываются неподвижными, застывают в каком-то одном положении, понятно, что это «гастрономическое» сравнение представляет собой ироническую образную характеристику существования определенной части русских помещиков, подчеркивает их бездействие и апатию. Обороту можно дать такое толкование: «не имея значительных социальных интересов, ведя пассивный образ жизни, не обременяя себя какими-то высокими стремлениями».

На протяжении романа Тургенев активно использует прием «нанизывания» фразеологизмов (узуальных и окказиональных), причем частотность использования ФЕ возрастает в главах, важных в сюжетно-композиционной структуре произведения. Особенно значим этот прием в композиции образа Лаврецкого, в частности в эпизодах, передающих состояние героя, содержащих самоанализ (это, например, главы XX и XLI). Трижды присутствующий во внутренних монологах Лаврецкого оборот *попасть на дно реки / быть на дне реки* (причем в разных главах), думается, можно считать индивидуально-авторским (ср. с франц. *aller au fond de la rivière* — «попасть на дно реки»; *être au fond de la*

rivière — «быть на дне реки»). Можно дать ФЕ такое толкование: «быть в состоянии полной подавленности после каких-то событий, разочарований и пр.; утратить интерес к жизни, не имея каких-либо надежд на лучшее». Сначала оборот использован Тургеневым в XX главе (вся глава, представляющая собой один абзац, — это внутренний монолог Лаврецкого), передающей состояние героя на другой день после приезда в Васильевское. Значимыми здесь являются образ тишины (это *тишина мертвая*, приносящая *тихой жизни с редкими звуками деревенской глуши*, когда *печально становится на душе* даже от *безмолвного полета ласточек*) и горестный образ *дна жизни*, который «разрастается» на протяжении главы и поначалу даже пугает Федора Ивановича. Такое восприятие действительности рождается у героя под влиянием осмысления собственной судьбы и первых впечатлений от окружающего. Он *погрузился в какое-то мирное оцепенение, из которого не выходил весь день*» (ср.: *погрузиться [окунуться] с головой* — «целиком, полностью, безраздельно отдаться чему-либо» и *погрузиться в воду, на дно* в прямом значении слова или *погрузиться в какое-то состояние* — в переносном). И дважды, как отмечается в тексте, но большее число раз про себя (!) Лаврецкий делает такие выводы: *Вот когда я попал на самое дно реки, — сказал он самому себе не однажды...* И далее: *Вот когда я на дне реки, — думает опять Лаврецкий. — И всегда, во всякое время тиха и неспешна здесь жизнь...* По ходу чтения произведения в памяти возникает целый ряд ФЕ, в частности *идти на дно и пойти ко дну* («терпеть неудачи, поражения и т. п.; погибать»). Эта семантика усиливается за счет других единиц текста, а также создается всей метафорикой эпизода.

В финале главы прием антитезы, градация и такие тропы, как метафора и сравнение, усиливают и образ тишины, и характеристику состояния героя, ощущающего себя *на самом дне реки: В то самое время в других местах на земле кипела, торопилась, грохотала жизнь; здесь та же жизнь текла неслышно, как вода по болотным травам*. С одной стороны, этому осознанию себя *на дне жизни* способствуют лексические и фразеологические единицы с антонимической семантикой (в частности, оборот

кипела жизнь; ср.: *кипеть* [*бить*] *ключом* — «бурно протекать, ярко проявляться»), с другой — закономерные ассоциации на основе переносного значения слова *болото* («среда, обстановка, период времени, характеризующиеся косностью, застоём, отсутствием живой деятельности и инициативы»; правда, самые последние строки главы говорят о том, что Федор Иванович постепенно начинает видеть и осознавать мир и себя уже не столь пессимистично).

Это состояние по приезде в Васильевское герой будет вспоминать впоследствии, уже после неожиданного сближения с Лизой и после газетной заметки о смерти жены (XXX глава): *Давно ли находился он в состоянии «мирного оцепенения»? давно ли чувствовал себя, как он выражался, на самом дне реки? Что же изменило его положение? Что вынесло его наружу, на поверхность?..* Осмелюсь предположить, что это оригинальная контаминация двух ФЕ, а именно *всплывать на поверхность* [*наружу*] («непредвиденно обнаруживаться, проявляться») и *вынести на своих плечах* («выдерживать самостоятельно, без чьей-либо помощи всю тяжесть каких-либо трудностей, испытаний, какой-либо работы, дела и т. п.»), ибо такая семантика соответствует жизненной траектории героя.

Нельзя не отметить и удивительную афористичность романа «Дворянское гнездо», поскольку тургеневский текст насыщен разнообразными фразеологическими выражениями коммуникативного типа. Это не только пословицы и поговорки (в том числе и преобразованные), но и сентенции разного плана, придающие произведению особую глубину, тонкий лиризм и проникновенность или подчеркивающие колоритность речи персонажей и автора-повествователя, их житейскую мудрость и наблюдательность. Вспомним хотя бы некоторые из таких выражений: *Близкого человека только тогда и поймешь вполне, когда с ним расстанешься; Слушайте ваше сердце! Оно одно вам скажет правду; Горе сердцу, не любившему смолоду!; Любовь на всякий возраст имеет свои страдания; Русский человек боится и привязывается легко; но уважение его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому* и др. Часто фразеологические выражения присутствуют в речи Марфы Тимофеевны Пестовой:

Чужая душа, ты знаешь, темный лес, а девчья и подавно (ср.: *Чужая душа — потемки*); *Ведь я не всё ласкаться — я и кусаться умею* (ср.: *И собачку ласково примолвишь, так не скоро укусит*; *Речи сладки, да кусают за пятки* и др.); *Эх, душа моя, на одну смерть лекарства нет!* (ср.: *От смерти не уйдешь; За смерть и поруки нет*) и др.

Сентенции Михалевича, этого *Демосфена полтавского*, звучат порой несколько комично (особенно если учесть, что друзья проговорили всю ночь и на дворе уже четыре утра): *Ни минуты отдыха, ни секунды! Смерть не ждет, и жизнь ждать не должна... Мы спим, а время уходит; мы спим...* (Правда, Лаврецкий парирует: *Позволь мне тебе заметить, что мы вовсе не спим теперь, а скорее другим не даем спать. Мы, как петухи, горло дерем...* И хотя это столкновение возвышенно-философского и нарочито приземленного усиливает некоторый комизм ситуации, *многие из слов Михалевича неотразимо вошли в душу* Лаврецкого.)

Выводы. Таким образом, своеобразие творческой манеры И. С. Тургенева проявляется в романе «Дворянское гнездо» в том числе и в создании ярких образных характеристик на основе фразеологических единиц. Во многих эпизодах романа ФЕ служат средством психологического, иронического и сатирического изображения героев, а также средством индивидуализации речи персонажей. И. С. Тургенев предстает перед читателями романа как писатель, обладающий уникальным чувством языка, как блестящий стилист, прекрасно знающий русскую фразеологию (и, безусловно, фразеологию европейских языков). Писатель мастерски трансформирует обороты, входящие в фразеологический корпус русского языка, добываясь их особой экспрессивности и усиления фразеологической образности за счет различных преобразований.

В тексте романа более шестидесяти окказиональных оборотов разного типа, создание которых имеет ярко выраженную прагматическую направленность. Анализ их семантики, сочетаемых стилистических особенностей свидетельствует о необыкновенной лингвистической одаренности Тургенева (сегодня сказали бы о лингвокреативном мышлении писателя). Следует признать, что во многих эпизодах романа

фразеологические единицы играют совершенно особую роль для эстетического воплощения авторского замысла. При этом зачастую достигается уникальный по своей выразительности семантико-стилистический эффект, не только удивляющий читателя, но и требующий необычного внимания к тексту для полноценного его восприятия (во многих случаях истинное понимание авторских характеристик на основе окказиональных оборотов зависит и от фразеологического запаса читателя).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковина Т. П.* По страницам романа «Дворянское гнездо». Особенности идиостиля И. С. Тургенева. М.: ИНФРА-М, 2018. 183 с.
2. *Кузнецова О. М.* Трансформированная фразеология в произведениях И. С. Тургенева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. Т. 13, № 4. С. 127–131.
3. *Марканова Ф. А.* Стилистическое мастерство И. С. Тургенева в употреблении и раскрытии значения диалектной и просторечноразговорной лексики и фразеологии. Ташкент: [б. и.], 1958. 62 с.
4. *Маркович В. М.* Человек в романах И. С. Тургенева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 152 с.
5. *Новосельцева В. А.* О национально-культурной и индивидуально-авторской концептуализации времени (на материале романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо») // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. № 1. С. 144–147.
6. *Пустовойт П. Г.* И. С. Тургенев – художник слова. М.: Изд-во МГУ, 1977. 301 с.

7. *Третьякова И. Ю.* Окказиональная фразеология. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. 289 с.

REFERENCES

1. *Kovina T. P.* Through the pages of the novel "Noble Nest". Features of the idiostyle of I. S. Turgenev. Moscow: INFRA-M, 2018. 183 p. (In Russ.).
2. *Kuznetsova O. M.* Transformed phraseology in the works of I. S. Turgenev. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvenno universiteta im. N. A. Nekrasova = Vestnik of Kostroma state university.* 2007. Vol. 13, No. 4. P. 127–131. (In Russ.).
3. *Markanova F. A.* Stylistic skill of I. S. Turgenev in the use and disclosure of the meaning of dialect and colloquial vocabulary and phraseology. Tashkent: [b.i.], 1958. 62 p. (In Russ.).
4. *Markovich V. M.* Turgenev. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University, 1975. 152 p. (In Russ.).
5. *Novoseltseva V. A.* On the national-cultural and individual-author's conceptualization of time (based on the novel by I. S. Turgenev "Noble Nest"). *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2008. No. 1. P. 144–147. (In Russ.).
6. *Pustovoit P. G.* I. S. Turgenev is an artist of words. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1977. 301 p. (In Russ.).
7. *Tretyakova I. Yu.* Occasional phraseology. Kostroma: KSU named after N. A. Nekrasov, 2011. 289 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Александровна Шумских, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет

Ekaterina A. Shumskikh, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию 15.04.2021; одобрена после рецензирования 05.05.2021; принята к публикации 11.06.2021.

The article was submitted 15.04.2021; approved after reviewing 05.05.2021; accepted for publication 11.06.2021.